

1
Государственная
архивная библиотека
СССР
Ленинград

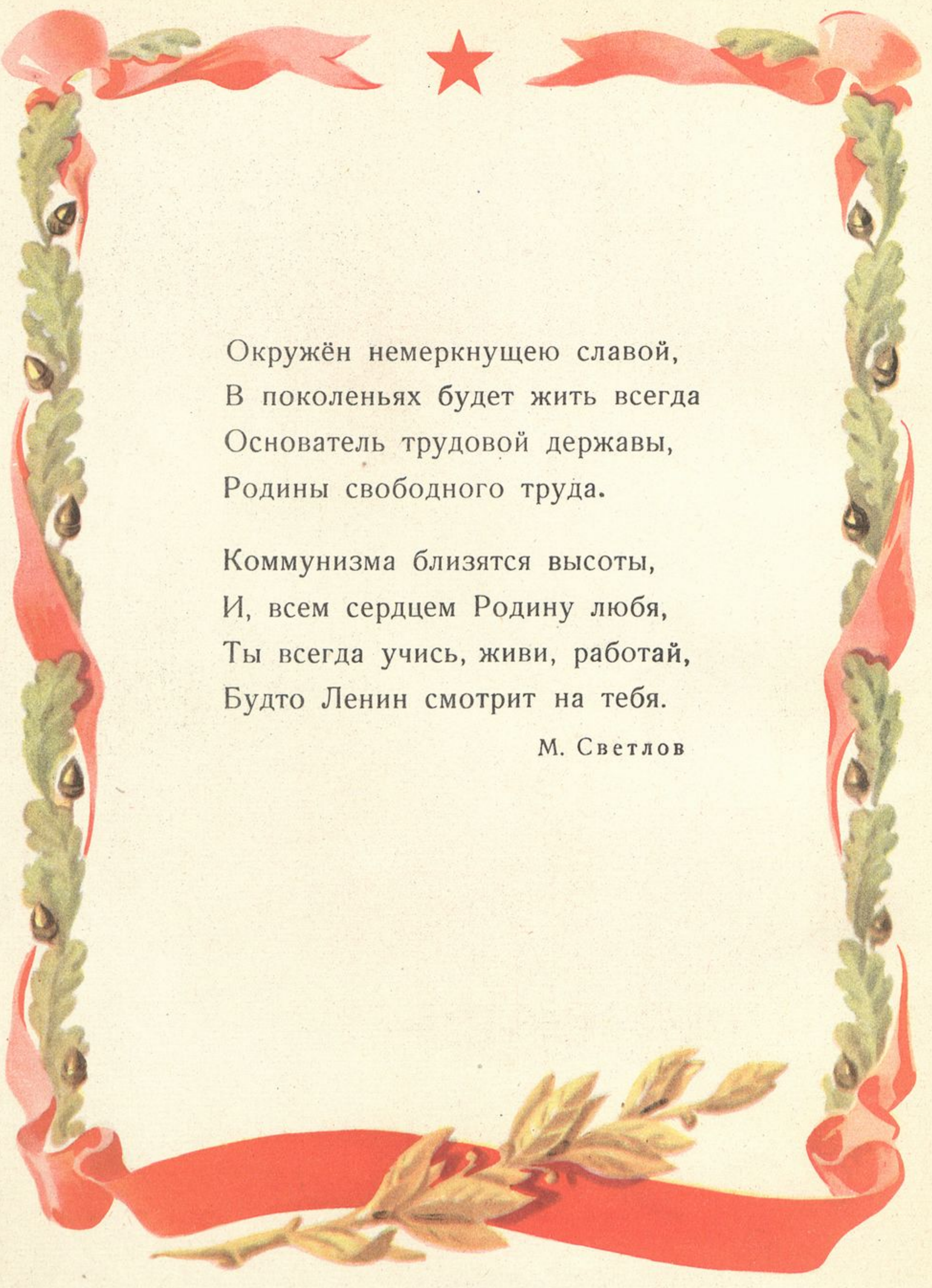

МУРЗИКА

№ 4

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

**АПРЕЛЬ
1950**

Окружён немеркнущею славой,
В поколениях будет жить всегда
Основатель трудовой державы,
Родины свободного труда.

Коммунизма близятся высоты,
И, всем сердцем Родину любя,
Ты всегда учись, живи, работай,
Будто Ленин смотрит на тебя.

М. Светлов

КАК УЧИЛСЯ В. И. ЛЕНИН

*Из воспоминаний сестры В. И. Ленина
А. И. Ульяновой*

Читать Володя выучился у матери лет пяти. И он и научившаяся одновременно с ним сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобилии получал наш отец.

Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи...

В гимназию Володя поступил девяти с половиной лет, в первый класс...

Учился он легко и охотно. И способности у него были хорошие, да и отец приучал его, как и старших брата с сестрой, к усидчивости и к точному и внимательному исполнению заданного. Ещё, помню, учителя его говорили, что Володе очень помогает то, что он всегда внимательно слушает объяснения урока в классе. При своих прекрасных способностях он запоминал обыкновенно в классе новый урок, и ему приходилось лишь немного повторить его дома...

Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках, из чего его спрашивали и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же, — удачные ответы, хорошие отметки, — то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять...»

Предметы, конечно, менялись: иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка — 5. Отец говорил в те годы матери, что Володе всё слишком легко даётся и он боится, что в нём не выработается трудоспособность. Мы знаем теперь, что опасения эти оказались излишними, что Володя сумел выработать в себе исключительную трудоспособность.

**Владимир Ильич Ленин
в трехлетнем возрасте.**

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Кто первый назвал Валерия Гриценко лодырем, теперь уже не вспомнишь. Но это прозвище укрепилося за мальчиком: лодырь да лодырь.

А какой он на самом деле лодырь? Разве он похож на того лодыря, про которого в книжке пишется? Вот это настоящий лодырь! Лежит под деревом и дожидается, пока груша в рот упадет, лень подняться.

А Валерка? Разве кто-нибудь видел, чтоб он хоть минуту посидел на месте? Его даже на уроке трудно удержать за партой! Непоседа он.

Дома усадит его мама домашнее задание делать, а Валерию не сидится. Мысли его где-нибудь в саду или на реке. А в это время крикнет кто-нибудь из друзей под ок-

ном: «Выходи гулять!..» Валерка кое-как допишет урок — и на улицу.

За день Валерка набегается, устанет. Домой он возвращается только к вечеру, а ещё хочется книжку почитать.

Любит Валерка книги. Неважно, что только в третьем классе учится, а книги любит читать. И чтобы обязательно про войну или о приключениях. До полуночи зачитывается. И спать не хочется.

И всё же все ребята в классе считают Валерку лодырем. Вслух об этом, правда, никто не говорит, но думают все так. По глазам Валерка видит. Да и правы они все, потому что небрежно готовит Валерка уроки, плохо отвечает у доски.

Однажды в школе появилась новая вожатая. Комсомолка Валя пришла в школу для того, чтобы руководить пионерским отрядом класса, в котором учился Валерка.

Она так быстро познакомилась и подружилась с ребятами, что через два-три дня пионеры не могли себе представить отряда без пионервожатой Вали.

Как-то раз в перерыве между уроками Валя пришла в класс. Она разговаривала со всеми, расспрашивала об учёбе. Валерка притаился за партой; стараясь быть незаметным, он осторожно, одним глазом поглядывал на вожатую. Ему очень хотелось заговорить с нею о книжках, потому что она интересовалась, кто о чём читает. Валя заметила Валерку, подошла к нему и спросила:

— А ты, Валерий, как учишься?

Валерка смутился, молча оглянулся на товарищей и заметил смеющиеся, лукавые лица и весёлые глаза, которые говорили: «Да это же Валерка-лодырь! О чём вы его спрашиваете?» И Валерка сразу насупился, потом смело посмотрел вожатой в глаза и громко проговорил:

— На двойках да тройках катаемся!

Кто-то засмеялся.

— Правда? — удивилась Валя.

— А то вру... — грубо ответил Валерка, ожидая, что сейчас новая вожатая начнёт его ругать. «Ну и пусть ругает, слышал уж не раз...»

Но на грубый ответ Валерки Валя не сказала ни слова. А через минуту он почувствовал, как сердце его встрепенулось от обиды.

«Не захотела даже говорить».

Домой Валерка шёл один. Он забыл и про сад и про речку. Он ломал себе голову над одним вопросом: «Почему она не сказала ему больше ни слова? Пускай уж лучше б она на него накричала. Или лучше всего спросила, что он читает. Он бы рассказал ей. Пусть бы увидела, что совсем не такой плохой Валерка».

Дома Валерка не находил себе места. Сел читать книгу, но ему не читалось. Он сам вспомнил про домашнее задание. Сел и выучил уроки. Быстро и старательно. Проверил ещё раз всё с начала до конца, а перед глазами стояла вожатая. Валерка обратился к ней вслух:

— Теперь видите, какой я лодырь! Вот возьму и буду учиться на одни пятёрки.

Но уже на другой день Валерка забыл о своём решении, и снова в дневнике у него стояли двойки да тройки.

Однажды Валя пришла к пионерам с интересной книжкой. В ней рассказывалось про школьные годы Владимира Ильича Ленина.

Пионеры слушали, затаив дыхание. Хорошо читала вожатая, так красиво и выразительно, что казалось, будто Володя Ульянов сам пришёл к пионерам и рассказывает про свои детские годы, про свою учёбу.

Валерка забыл всё. Незаметно он пробрался вперёд, встал перед вожатой и всё хотел рассмотреть рисунки в книге. Он решил, что обязательно прочтёт эту книгу.

Закончив чтение, Валя спросила пионеров:

— Все ли читали эту книгу?

Выяснилось, что не все. Тогда вожатая проговорила:

— Давайте подготовим сбор пионерского отряда. Сбор, посвящённый Владимиру Ильичу.

И Валя быстро начала давать ребятам поручения. Кому стихи про Ленина вы-

учить, кому сказку, кому рисунки о жизни Ленина приготовить, а Валерию вожатая дала свою книгу. Удивлённый и радостный, держал он дорогую книгу в руках и, как сквозь сон, слышал наказ вожатой:

— Внимательно прочитай всю книгу, и тот раздел, который больше всего тебе понравится, прочтёшь на следующем сборе отряда.

— А я его на память выучу, — возбуждённо ответил мальчик.

— Можно и на память... Это ещё лучше. Сбор пионерского отряда 3-го класса «Б» прошёл очень интересно. Ещё никогда у них не было таких сборов. А Валерка удивил всех. Он так выразительно и с таким глубоким чувством рассказал на память два раздела из книги, что все сидели зачарованные.

В конце сбора Валя сказала:

— Теперь вы знаете, как жил и учился Ильич в детстве. Вы юные ленинцы, и вы обязаны учиться только на «хорошо» и «отлично».

— Не будет у нас этого! — выкрикнул кто-то.

— Почему не будет? — удивилась Валя.

— Валерка всё равно весь отряд подведёт. Разве вы его не знаете?

Валерка растерялся. Если раньше он на такие слова только хмурился, то теперь его лицо залилось краской стыда, и он опустил глаза.

— Зря вы так говорите о Валерии, — услышал он голос вожатой. — Вы слышали, как он рассказывал? Валерий не подведёт свой отряд.

Благодарными глазами смотрел Валерка на Валю. А она уже говорила о другом. Значит, она верит Валерию! Значит, вожатая знает, что он сможет хорошо учиться! А иначе и быть не может, ведь Валерий — пионер и ленинец. И он будет учиться так, как учился Ленин.

С этого часа Валерий стал неузнаваем.

Он внимательно и аккуратно выполнял домашние задания.

Однажды к Валерию подошла учительница. Она проверила его домашнее задание, потом посмотрела на мальчика и сказала:

— Вот видишь, Валерий: оказывается,

если захочешь, так и ты можешь хорошо учиться. Молодец! Каждый человек обязан выполнять свой долг. Твой долг — хорошо учиться. Я рада, что ты это понял.

И первый раз за время учёбы в школе Валерий закончил вторую четверть с отличными оценками. Только два «хорошо».

Шли дни. Все давно забыли про Валерку-лодыря. Знали теперь Валерия пионера-отличника. Домашнее задание у него всегда выполнено, в классе он отвечает чётко и внятно, а в пионерском отряде один из активнейших пионеров. И всё же один раз случилось так, что Валерка снова чуть не забыл об уроках.

В то утро ударил первый мороз. К полудню, когда Валерка возвращался из школы, потеплело. Повалил густой, липкий снег.

Валерка пообедал и сел за уроки.

Старательно выполнил задание по арифметике, повторил географию. И только взялся за чтение, не вытерпел — выглянул в окно. Снег уже не шёл. А вокруг всё белело, серебрилось. Валерка заметил ребят, которые ходили на лыжах. И он сразу забыл обо всём. В кладовой его тоже ждут лыжи.

Откинув книги в сторону, Валерка стал быстро собираться. Достал лыжи, натёр их лыжной мазью, проверил крепления. Он уже чувствовал себя не в комнате, а там, в парке. Вот он мчится с горы на гору, а холодный ветер обжигает ему лицо. Когда он, уже одетый, проходил через коридор, то вспомнил, что вожатая обещала завтра организовать вылазку в парк. Может, обождать до завтра? Минуту Валерий колебался. И уроки ещё не все сделаны. Потом он решил только посмотреть, что делается на улице, и вернуться...

А на улице было так хорошо, что Валерка даже зажмурился от удовольствия.

Глубокий снег покрыл дорогу и тротуары. Деревья низко опустили свои ветки под тяжестью снега.

«А зачем ждать до завтра? — подумал Валерий. — Сегодня разведую в парке, завтра ещё вожатой помогу. А домашнее задание можно и вечером сделать».

Так успокоив себя, Валерка быстро прикрепил лыжи к ногам и пошёл по мягкому снегу. Пройдя два квартала, он свернул в переулок, а там недалеко и до парка.

В парке — высокие горки и узкие стёжки. Кататься тут надо умело. Смотри во все глаза, а то или с обрыва свалишься, или о дерево разобьёшься.

Раскрасневшийся и счастливый, он ездил по парку. Послушные лыжи подчинялись малейшему его движению, а ещё не тронутый снег неслышно расступался перед мальчиком. Иногда ветки деревьев больно били по лицу. Да разве на это можно было обращать внимание! Валерка вихрем мчался между деревьев. Он ещё издали видел каждое дерево и ловко его объезжал. И вдруг он увидел на белом постаменте фигуру мальчика. Такой знакомый, в гимназической курточке, Володя Ульянов сидел на скамейке, держа в руках раскрытую книгу, и задумчиво смотрел в парк. Валерка, как зачарованный, стоял перед скульптурой. Он не мог оторвать взора от родной, близкой фигуры

юного Ленина. Снег закрыл Володину книжку, лёг на волосы, покрыл колени, плечи, руки юноши. Но Володя не обращал на это внимания: он сидел над раскрытой книгой и думал. Может быть, он так старательно выполняет домашнее задание? Валерка сразу вспомнил, что рассказывалось в книге про юного Ильича: «Володя первым делом готовил уроки...»

Валерий почувствовал, как невольная краска стыда покрыла его лицо, как загорелись уши. Как же он мог, не выполнив задания, пойти кататься на лыжах? А ещё пионер, ленинец. Разве можно быть ленинцем один день или месяц? Ленинцем делаются на всю жизнь.

«Скорей, скорей домой, — подумал Валерик, — и в первую очередь, не откладывая, выполнить домашнее задание». На прощанье он ещё раз пристально заглянул Ленину в глаза, и ему вдруг показалось, что это не каменная фигура, а живой, настоящий Володя Ульянов улыбнулся ему и, подбадривая, проговорил: «Правильно, Валерик... Нужно учиться... учиться... и учиться... Запомни это на всю жизнь».

Перевёл с украинского В. Железников

А. КАРДАШОВА

ВЕСНОЙ

На сквере — влажная земля,
Следы на всех дорожках,
Под солнцем дремлют тополя,
Нарядные, в серёжках.

Большая клумба ждёт цветов,
Она ещё пустая...

Я в выходной весь день готов
Ходить, бродить, мечтая.

На перекрёстке двух аллей —
Узорчатые тени...

Среди прозрачных тополей
Стоит гранитный Ленин.

Весенним солнцем освещён,
Вдаль зорким взглядом

смотрит он.

Вперёд протянута рука...
Он словно говорит:

«Взгляни, дорога широка,
Мир для тебя открыт.

Далёкий север, жаркий юг,
Поля и города —
Всё ждёт твоих умелых рук
И смелого труда.

Когда настанет твой черёд,
К труду готовым будь,
Не забывай, что Сталин ждёт,
Когда ты выйдешь в путь!»

Я в путь уверенно пойду,
Готовым буду я к труду.

Я — пионер, я — ленинец,
Ношу я имя славное,
С ним в жизни нашей связано
Всё лучшее, всё главное.

Мы имя Ленина храним,
В большую жизнь вступаем с ним!

ПОРТРЕТ

На рассвете, будто трубачи,
Петухи аула Кубачи
По дворам трубили клич:

«Пора!»

И тогда вставали мастера.
И трудились так, что про артель
Слава шла за тридевять земель.
Среди мастеров тончайших дел
Был один, что равных не имел.
Этот мастер, старый и седой,
Был известен всей стране родной.
Мастер клал узоры на металл.
Говорили люди: «Красота!»
Но старик не слышал их похвал,
У него была своя мечта:
Сделать всё мечтал он с давних лет
Ленина великого портрет.
Каждый день, садясь за свой станок,
Думал мастер: «Нет, не вышел срок,
Неумелый я и молодой,
Чтоб с работой справиться такой!»
Шли за днями дни, и шли года,
Слава шла о мастере большом,
У него седела борода,
Отливая тоже серебром.
А старик, оттягивая срок,
Медлил всё, решиться всё не мог.
Наконец однажды он с утра
Сел за стол и прошептал:

«Пора!»

Иглы заточил, зажёл огни
И работу начал.

В эти дни

Даже первый петушиный крик
За работою встречал старик.
Мастер делал Ленина портрет...
Что продумал он за много лет,

Что прочувствовал и что постиг —
Всё в работу вкладывал старик.
Он сидел, сутулый и седой,
Серебра касаясь бородой,
И светила лампочка его,
Названная именем того,
Чей портрет невиданной красоты
Под резцом рождался в те часы.
В те часы серебряный узор
Перевоплощался в ясный взор,
В мудрый лоб и в очертанья щёк,
В ласковой улыбки огонёк,
В жест руки и поворот плеча,
В незабвенный образ Ильича...
Вот последний штрих.

Портрет готов.

Кликнул старый мастер мастеров,
Чтобы посмотрели на портрет,
Чтоб сказали: вышел или нет.
Но стояли молча средь двора
Зачарованные мастера.
А потом сказал один из них,
Что был старше и мудрей других:
«Точен твой резец, твоя игла.
Ты искусен, мастер, спору нет,
Но одних законов ремесла
Мало, чтоб создать такой портрет.
Старый мастер, ты вложил в него
Благодарность сердца своего.
Даже больше, — ты вложил в резец
Чувство всех людей и всех сердец!»
А потом аул держал совет,
И решили Ленина портрет
Подарить тому, кто наш народ
Так же, как Ильич, ведёт вперёд.
Порешили и без лишних слов
Снарядили к Сталину послов.

Перевёл с аварского Н. Гребнев

ДОРОГА

ОЛЕГ БЕДАРЕВ

Рис. Ю. КОРОВИНА

От стен Кремля, от древних башен
Идёт дорога к нам в колхоз.
По городам и мимо пашен
Бежать дороге довелось.

Она далёкий путь держала
Через болота, через лес,
По многим сёлам пробежала
И вышла к нашей МТС.

Прошла от клуба к новой школе,
Промчалась около лесов,
И снова лесом, снова полем,
До новых сёл и городов...

И если только бы умела,
То рассказала бы она,
Что вся страна большого дела
И светлой радости полна.

Она могла бы нам поведать
О том, что видела вокруг:
О том, как слава и победа
Венчают наш советский труд.

Что с юга к нам на крыльях скорых
Спешит весенняя пора,
И на широкие просторы
Уже выходят трактора.

Что за Днепром по пашне чёрной
Рядами сеялки идут
И золотой пшеницы зёрна
В сырые борозды кладут.

Что зёрна встанут нивой вскоре,
Хлеба под солнцем будут зреть,
И будет нива, словно море,
Тяжёлым колосом шуметь.

Дорога наша повидала,
Как в домнах плавится руда.
Оттуда сотни тонн металла
Везут по рельсам поезда.

Она в степи пылила долго,
И ей увидеть довелось,
Как поднимаются над Волгой
Ряды степных лесополос.

И вновь бежала непоседа,
А ей навстречу, за селом,
Неслась из Горького «Победа»,
Сверкая лаком и стеклом.

Потом дорога повстречала
В поход шагающий отряд.
И долго радостно звучала
Над нею песенка ребят.

Бегут, бегут дороги наши
И много их, одна к одной.
Среди лесов бегут и пашен
Во всех концах земли родной,
Среди лугов душистых, пёстрых,
Под шум степного ковыля,
И обнимаются, как сёстры,
У стен московского Кремля.

СЕРГЕЙ КОШЕЧКИН

МОЙ ДРУГ

Минуя поля и дубравы,
Крутые овраги и рвы,
Товарные водит составы
Мой друг до родимой Москвы.
В вагонах—руда и пшеница,
И, в дальнем пути не устав,
«Зелёною улицей» мчится,
По рельсам грохочет состав.

До мелочи зная дорогу,
Умелый и точный всегда,
Мой друг, как положено, к сроку
Приводит свои поезда.
Он полднем и вечером мглистым
На вахте стоит трудовой...
Не зря я горжусь машинистом,
Крылатою славой его!

Б Е Р Ё З К И

Зелёные грузовики отвозили на аэродром пионеров. Сегодня там интересный день — встреча пионеров с лётчиками.

Проехала третья школа, за ней седьмая.

Анюта забеспокоилась. Про их отряд словно забыли.

Наконец подъехал автомобиль. Шофёр крикнул:

— Девятая школа — тридцать пять человек!

Все повскакали с мест. Председатель совета отряда Варя Коровина объявила, что в первую очередь поедут на аэродром те, кто готовил художественные номера.

— Правильно! — закричала Зина Шустрова, дирижёр шумового оркестра. — Шумовиков в первую очередь.

Анюта потянула подружку Надю за руку:

— Полезем, мы тоже с номером.

Девочки забежали с другой стороны машины и полезли в кузов. Их остановила Варя Коровина.

— Девочки, вы же не хотели выступать?

— Это мы сначала не хотели, — растерянно призналась Анюта. — У нас костюмов не было. А потом надумали. Мы русского будем плясать и казачка. Мы дома репетировали.

— Обождите, девочки. Сначала по списку посажу. — Коровина отвернулась и принялась выкрикивать:

— Частушки и рязанские, есть?

— Есть рязанские!

Три девочки в пёстрых длинных сарафанах полезли в кузов.

— Яблочко — танец?

— Уже сидим. Читай дальше.

— «Светит месяц» — шумовой оркестр?

— «Светит месяц», за мной! — обрадовалась Зина, бросаясь к грузовику.

Анюта потянула Коровину за рукав.

— Подожди, — отмахнулась Коровина. — Сама видишь: кто записывался, и тех посадить некуда...

Автомобиль вдруг чихнул, пустил синий дымок и тронулся.

Зина Шустрова помахала рукой Анюте и Наде:

— А вы топ-топ ножками...

Девочки молча зашагали к дому. Простили одну улицу, другую. Неожиданно взгляды их встретились. Девочки покраснели и вновь стали смотреть по сторонам. Молчать становилось неловко.

— Ну и пожалуйста, не надо нам их праздника, — заговорила Анюта. — У них и праздник-то совсем неинтересный будет. Очень надо Зину, бахвалку, слушать. Я и сама на гребёнке играть могу получше её. Захотеть только.

Вверху заурчало. Самолёт, раскинув крылья, словно руки, выписал над городом восьмёрку.

Девочки неотрывно следили за самолётом. А вдруг там Зина-дирижёр...

У Анюты защекотало в горле.

— А давай, Надя, не будем никакой общественной работы делать, — неожиданно предложила она.

— Это как же так? — удивилась Надя. — Мы ведь пионерки...

— А пусть её другие делают, любимчики Коровиной. И с малышами во дворе играть не будем, и в стенгазету ни одной заметочки не напишем.

— Давай не будем, — опустив голову, прошептала Надя.

У рабочего посёлка девочки расстались. Аня пошла к своему дому. Она заложила руку за спину и даже попробовала беззаботно, по-мальчишески зашвырнуть.

Огромный новый дом кремового цвета сиял на солнце.

Перед домом, за зелёной оградой стояли молодые берёзки. Ветер трепал их неокрепшие кроны. Берёзки были привязаны к колышкам бечёвкой. Они были слабые и робкие — их совсем недавно привезли из леса и посадили перед высоким домом. На колышках были прибиты фанерные дощечки. На одной было написано: «Анютина берёзка», на другой — «Наташина берёзка».

Около Наташиной берёзки стояли уса-тый дворник в белом фартуке, несколько женщин и Анятин дедушка, Савелий. Тут же стояла Наташа, худенькая девочка с маленькими косичками, и плакала: её весёлую берёзку кто-то сломал.

— Здоровья моего нехватает, — жаловался дворник, — тут и мети, и улицу поливай... Да разве могу я по всей строгости за берёзками следить?

— Стоп! — Дед Савелий остановил дворника и повернулся к женщинам: — Придётся уж вам самим за берёзками доглядывать. «Зелёный совет» надо выбрать, как вон в соседнем дворе.

Дед Савелий заметил Анюту и обрадовался:

— Вот Анку надо от пионеров...

Аня, будто не слыша деда, вбежала в подъезд и скрылась в квартире — какое ей теперь дело до берёзок, до «Зелёного совета», до всего на свете?

Дед Савелий пригласил «Зелёный совет» в комнату и предложил сочинить «строгое распоряжение», чтобы не ломали берёзок.

— Аня! — постучал дед Савелий в стенку. — Иди сюда с бумажкой, напиши нам...

Аня не отозвалась. Дед Савелий приоткрыл дверь в соседнюю комнату. Аня быстро легла на кровать.

— Ты что, внучка, заболела?

«Я теперь не буду общественную работу делать... И Надя не будет», — хотела сказать Аня, но не осмелилась.

— Заболела... — прошептала она.

Дед Савелий осторожно прикрыл дверь, отошёл к столу и принялся кому-то диктовать.

— «Дорогие дети! Любите берёзки, не ломайте их».

Аня заглянула в замочную скважину: писала Наташа.

«Уж эта напишет, — обиделась Аня: — буквы пузатые, толстые, никакой красоты».

Аня взяла со столика лист бумаги и написала своим любимым шрифтом: «Дорогие дети! Любите...»

Таковыми же буквами она писала заголовок для стенгазеты. Получалось очень кра-

сиво, особенно когда в две краски и по бокам звёздочки или колосья. Хорошо бы и сейчас так написать. Аня потянулась за красками, но вдруг опомнилась и порвала листок.

«Зелёный совет» разошёлся. Лежать на постели было скучно. За окнами в садике зашумели малыши. В комнату вбежала Наташа.

— Аня, сегодня будешь нам игры показывать? Я всех собрала...

— Не до игр ей, Наташенька! — остановил девочку дед Савелий. — Заболела она. Вы там под окнами-то потише шумите!

Наташа вышла, осторожно прикрыв дверь.

Аня отвернулась к стенке. На душе стало тоскливо и одиноко.

На другой день Аня отправилась к Наде. Сегодня они уйдут на целый день за город, будут собирать цветы, и никто, никто им не помешает.

В дальнем углу сквера Аня заметила кучку малышей. Они кричали, словно галчата. Наташа и ещё две девочки держали за плечи большеголового, стриженного под «бобрик» мальчишку.

— Ага, ага! — радовалась Наташа. — Вот ты что, Вовка, делаешь, берёзки ломаешь! Девочки, держите Вовку крепко, я его маму позову!

Наташа убежала. Вскоре пришла Вовкина мать.

— Ну? Опять нагородил чего-нибудь?

— Ничего я не городил, — нахмурился Вовка. — Мне для лука палка была нужна...

— Ему всё нужно! — обиженно закричали малыши.

Мать схватила Вовку за руку и потащила за собой. Вовка оглушительно завизжал.

Аня бросилась к Вовкиной матери.

— Не уводите его, пожалуйста!

Вовкина мать изумлённо поглядела на Аню.

— Да ты кто такая?

— А это Аня... — объяснила Наташа. — Она от пионеров, игры с нами играет...

— Да, от пионеров... — смутилась Аня, но быстро оправилась. — Мы сами Вовку учить будем. Ребята, бегите за дедушкой Савелием.

«Зелёный совет» собрался очень скоро.

Из дома вынесли стол и три скамьи. Вовку посадили на первую скамью. Он фыркал носом и размазывал по щекам слёзы.

Аня села рядом с дедом Савелием и попросила Вовку рассказать, зачем он поломал берёзку.

Вовка расплакался, а потом начал жаловаться: он не один виноват, виноват и Шурка. Ведь это он сломал вчера Наташину берёзку.

Разыскали Шурку и посадили рядом с Вовкой.

Аня стала говорить. Она стыдила неосознательных Вовку и Шурку. После Ани их стыдили матери и дед Савелий.

Под конец Вовка с Шуркой заревели во весь голос, словно заиграли в трубы.

Потом Аня зачитала решение «Зелёного совета».

1. Поломанную берёзку перевязать чистой тряпочкой.

2. Вовке лечить раненую берёзку, пока она не выздоровеет.

После собрания все пошли поливать берёзки.

Когда поливать кончили, Аня затеяла с малышами игры. Взявшись за руки, ребята водили хоровод, и Аня голосисто запела:

Руки мыть и ноги мыть,

И сырой воды не пить.

Тут Аня улыбнулась, словно что-то припомнила, и запела громче:

И берёзки не ломать,

И водой их поливать.

На другой день утром Аня пошла к Наде. Подруга с помощью малышей со своего двора поливала цветочную клумбу.

Аня сделала вид, что не заметила её смущения, и поспешно заговорила:

— А я какую песенку, Надя, вчера сочинила! Всем ребятам понравилось. Вот послушай:

И берёзки не ломать,

И водой их поливать...

Дружная работа

В небе ясном
только зорька занялась,
а Марийка
мазать хату
принялась.
Мел и краски
в двух горшочках
развела,
размахнулась —
помазочком повела,
и на шаг
полюбоваться
отошла.

У девчонки
небо синее в глазах,
синий в крапинку
платок на волосах.
В город вызвали
отца и мать на слёт,
и полно теперь
забот у ней,
хлопот.
Водит-водит помазочком
и поёт.
Вдруг слышалось:
— Марийка,
как дела?
— А, ребята!.. —
Мигом к тыну
подошла:
— Вы куда это?
Спросить не грех у вас,
для прогулок
неурочный будто час...
Впрочем,
что я
разговоры завожу!

Вы же видите —
 без дела не сижу!
 Вот с побелкой
 нужно справиться
 самой...
 Завтра к вечеру
 из Киева домой
 с совещания
 вернутся
 мать с отцом, —
 привести хочу
 скорей в порядок
 дом.
 Ну, ступайте...
 Время тратить не люблю...
 Ну, живей,
 не то носы вам
 побелю!
 Тут Юрко
 нахмурил брови:
 — Гонишь нас?
 Кто позволил
 отрываться так
 от масс?
 Что за труд
 единоличный?
 Ведь позор!
 Эй, ребята,
 заходи живей
 во двор!

Через тын тут мальчуганы
 разом — прыг!
 Все за щётки
 да за вёдра
 взялись вмиг...
 Подставляет хата
 солнышку бока,
 мел светлеет
 после каждого мазка.
 Белят хату
 аккуратно маляры,
 покраснелись
 от усердия
 и жары.
 Стала хата,
 как весенний сад,
 бела,
 по краям
 каёмка синяя
 легла.

— Кто работу нашу примет?
 Мы спешим! —
 закричали маляры.
 И мигом к ним
 на крыльцо
 выходит старый
 дед Охрим.
 Оглядел он
 всю работу,
 помолчал.
 — Славно сделали, —
 торжественно
 сказал.

Перевела с украинского Т. Волгина

М. ЖЕСТЕВ

Рис. В. БОГАТКИНА

С Е В Е Ц

Всю неделю лили дожди. Наконец ветер разогнал тучи, и выглянуло весеннее солнце. Колхозный бригадир Артамон Ильич позвал сына Андриюшу, и они пошли на озимое поле.

Земля была чёрная, ещё не пробилась трава даже на канавах, а поле, засеянное с осени, было похоже на огромный зелёный ковёр. Отец зашёл на посевы, сделал несколько шагов, а дальше — ни с места. Ноги увязли в земле. С трудом выбрался обратно на дорогу и сказал сыну:

— Беда, Андрей! Давно пора сеять клевер по озимым, а на поле ни взойти, ни въехать. А без клевера никак нельзя. Он и скоту корм и земле плодородье. Такая это трава!

— А подождать, пока просохнет, нельзя? — спросил Андриюша.

— Никак нельзя ждать, — ответил отец. — И просохнет не скоро, да и дождь снова пойти может. Не в наших колхозных правилах надеяться на природу. Мы должны быть умнее и сильнее её.

С поля отец пошёл в правление колхоза, а Андриюша — домой. Андриюша всё время думал: как же посеют клевер? Он

очень ждал отца. Придёт — расскажет. Но тот не пришёл ни к обеду, ни к ужину. А поздно вечером постучал в окно председатель колхоза и сказал Андриюшной матери, что отец уехал в город и вернётся только утром.

— Это он насчёт посева клевера поехал, — сказал Андриюша, укладываясь спать, и спросил: — А что, мама, может быть, в городе придумали порошок такой: на землю посыплешь — она сразу и просохнет!

— Скажешь тоже... — ответила мать. — Такого порошка не может быть.

— А как же тогда клевер посеют?

— Не знаю! Что-нибудь придумают. Может, не по озимам, а по яровой посеют.

— Ну нет, мама, так быть не может, — решительно сказал Андрей. И, стараясь быть похожим на отца, серьёзно добавил: — Не в наших колхозных правилах уступать природе. Мы должны быть сильнее её!

Утром Андрея разбудил голос отца. Отец тормошил его за плечо и говорил:

— Вставай, сынок, да побыстрее.

— Придумали? — спросил Андрей,

вскакивая с кровати и путаясь в рукавах рубашки.

— Придумали! А как же иначе? — весело засмеялся отец.

— Порошок? Да?

— Какой порошок? — удивился бригадир. — Ты проснись, да идём в кладовую за семенами.

Артамон Ильич вышел из дома и быстро зашагал к колхозной кладовой. Андрей едва поспевал за ним. Погрузив в телегу мешки с семенами, они поехали в поле. Но за деревней отец свернул с дороги и направил подводу к речке. Тут на высоком берегу, где летом купаются ребята, он остановился, распряг лошадь и сказал:

— Скоро и севец прибудет...

Андрюша ничего не понимал. Сеять клевер надо на озимом поле, а семена почему-то привезли к речке. Тут и сеять-то негде.

Вскоре пришёл председатель колхоза, присел на телегу и, взглянув на небо, сказал:

— Погодка хорошая, а нашего севца что-то не видно.

— Ещё рано, — ответил отец Андрюши.

И вдруг насторожился.

— Севец!

Над лесом медленно летел самолёт. Он сделал круг над деревней, повернул к речке и сел на берег — неподалёку от телеги. Со всех сторон к самолёту бежали люди.

Из кабинки вышел лётчик. Был он в

шлеме и синем комбинезоне. Поздоровавшись, лётчик сказал:

— Ну, показывайте, где клевер сеять?

Все пошли к озимым.

Лётчик, осмотрев поле, вернулся к речке. Там он высыпал в самолёт семена и поднялся в воздух.

Самолёт сделал над полем несколько кругов. Он летел совсем низко, и треск стоял такой, как будто сразу стреляло сто пулемётов. Только сейчас Андрюша заметил, что у самолёта в хвосте есть устройство вроде как у сеялки. Но как оттуда падают на землю семена клевера, не было видно.

А на краю поля столпились колхозники, и все говорили:

— Вот что значит большая колхозная земля. Даже самолёту есть где развернуться.

Через полчаса сев был закончен. Засеяно было пятьдесят гектаров. Сеятелю с лукошком хватило бы работы на пятнадцать дней.

Все были очень довольны. Лётчика наперебой приглашали обедать. Но он отказался.

— Некогда. До вечера ещё в трёх колхозах надо побывать. — И улетел.

После того в колхоз часто прилетал самолёт. И клевер сеять и удобрение рассевать... И с той поры, когда Андрюша видел в небе самолёты, он провожал их глазами и говорил:

— Наши севцы летят.

В. ОСЕЕВА

Рис. В. ВЫСОЦКОГО

ПРОСТОЕ ДЕЛО

На каникулы выдался сильный мороз. Город стоял белый, нарядный; в скверах застывшие деревья закудрявились от инея. Юра и Саша бежали с катка. Мороз колот им щёки, пробирался сквозь варежки к заочневшим пальцам. До дома было уже недалеко, но, пробегая мимо аптеки, мальчики заскочили туда погреться. Поёживаясь и подпрыгивая, они прошли в уголок и увидели около батареи старушку. Она была в тёплом пуховом платке. На горячих трубах сушились её мокрые варежки. Увидев мальчиков, старушка поспешно сдвинула в сторону своё имущество и, вытянув из пухового платка остренький подбородок, сказала:

— Грейтесь, грейтесь, голубчики! Разошёлся батюшка-мороз, нечего сказать! Бежишь — и дороги перед собой не видишь!

— Промёрзли, бабушка? — весело спросил Юра.

Саша бегло взглянул на красные сморщенные щёки, на тоненькие, как ниточки, морщинки.

— Замёрзла, деточки! — вздохнула старушка. — И вот, скажи на милость, никуда не хожу, а тут, как на грех, выбралась из дому! — И, обращаясь к мальчикам, как к старым знакомым, пояснила: — За дровами пошла. Дрова у нас кончились. Раньше всё бывало дочка моя с соседкой привозила, а сейчас дочка в отъезде, а соседка заболела. Дай, думаю, я сама пойду... Мороз, ведь он, батюшка, и на печи найдёт, коли печь не топлена! Вот и пошла. А на складе-то перерыв, а у меня уж руки, ноги не свои, и мороз дыханье забил. Добежала до угла — да в аптеку! А сейчас уж о дровах и не думаю, только бы до своего дому добраться!

Старушка натянула тёплые варежки, поправила на голове платок.

— Пойду я... Грейтесь, ребятки!

— А мы тоже домой сейчас! У меня дед Мороз половину носа отгрыз! — засмеялся Юра.

— А у меня ухо всю дорогу жевал! А зато каток подморозил здорово! Летишь и, как в зеркале, себя видишь! — сказал Саша.

— Вы уши-то под шапки подберите, а то как сыроежки они у вас торчат, — забеспокоилась старушка. — Долго ли отморозить!

— Ничего. Нам близко.

— Ну, ну... Мне тоже недалеко. Пойду уж я, пожалуй, — заторопилась старушка.

— И мы пойдём, бабушка!

* * *

Ребята вышли из аптеки и, подпрыгивая, побежали вперёд. Оглянувшись, они увидели старушку. Она закрывала лицо от ветра и шла осторожно, видимо, боясь поскользнуться.

— Бабушка! — окликнули мальчики.

Но старушка не слышала их.

Мальчики, засунув в рукава замёрзшие руки, нетерпеливо топтались на месте.

— Скажи, пожалуйста, опять встретились! — радостно удивилась старушка, увидев перед собой знакомые лица.

— Вот так встретились! — расхохотался Саша.

— Немудрено! — фыркнул Юра и, наклонившись сбоку к пуховому платку, весело крикнул: — Мы вас ждали, бабушка! Держитесь за меня.

— Нас мороз боится! — кричал с другой стороны Саша.

Старушка, ухватившись за Юрин рукав, быстро засемила по мёрзлому тротуару. Пробегая мимо ворот, на которых было написано большими буквами «Дровяной склад», она подняла глаза и с огорчением сказала:

— Открылись теперь! Ишь ты... И квитанция у меня! Да уж бог с ними, с дровами!

Саша остановился.

— Пойдите. Это ведь быстро! Вы подождите, а мы возьмём с Юркой! Давайте квитанцию! Юрка, возьмём дрова?

— Конечно, возьмём. Что нам стоит! — хлопая варежками, сказал Юра. — Давайте квитанцию, бабушка!

Старушка растерянно поглядела на них, порылась в варежке, нашла квитанцию.

— Да как же это? — передавая Саше квитанцию, сказала она. — Да с чего же это вы тут морозиться будете? Я уж как-нибудь нынче обойдусь с дровами-то. У соседей одолжу. Вон дом-то мой стоит! Ворота красные! Пойдёмте и вы со мной, погреемся.

— Да мы сами возьмём! И привезём сами! — решил Саша. — Идите домой! Юрка, проводи! Да узнай толком адрес! — распорядился он.

Старушка ещё раз взглянула на раскрытые ворота склада, на Сашу и, махнув рукой, быстрыми шажками пошла по улице. Юра пошёл за ней.

Когда он вернулся, Саша вместе с возчиками уже складывал на санки мёрзлые брёвна и деловито командовал:

— Сухих, дяденька, кладите! Берёзовых! Это для старого человека дрова!

* * *

В деревянном флигельке слышались два голоса:

— Да как же это вы, бабуся, распорядились так? Сунули ребятишкам ордерок и пошли!

— Да так и распорядилась, Марья Ивановна! Да не я и распорядилась-то, а они! Ведь вот какие ребята-то славные! Не помёрзли бы только!

— Да что они знакомые вам, что ли, бабушка? — спросила соседка.

— Знакомые, Марья Ивановна! Как же не знакомые? С полчаса в аптеке вместе стояли и домой вместе пошли! — отвечала старушка, снимая с себя платок и приглаживая седые, прилипшие к вискам волосы.

Саша и Юра крепкими кулаками застучали в дверь и в облаке морозного пара появились на пороге.

— Дрова привезли, бабушка! Принимайте дрова! Куда складывать? Давайте пилу! Перепилить надо! А топор есть? Давайте топор! — командовал Саша.

— Пилу и топор! Сейчас всё перепилим и расколём вам! Что нам стоит! — кричал Юра.

— Боевые внучата у вас, бабуся!

Командиры, — басил за их спиной возчик. — Самых знаменитых дровишек привезли!

— Ах ты, батюшки! Привезли! Марья Ивановна, привезли! А вы говорите, знакомые ли! Да при чём же тут знакомство наше, Марья Ивановна, когда галстуки-то на них красные?

А во дворе уже слышался бойкий стук топора, визжала пила; весёлые мальчишеские голоса с басовитыми нотками распоряжались спешно мобилизованными во дворе малышами.

— Носите в сени... Складывайте столбиками!

...Хлопнула дверь. Саша, сбросив перед печкой щепки, отряхнул варежки и сказал:

— Всё, бабушка! Не поминайте лихом!

— Соколы вы мои... — растроганно сказала старушка. — Дело-то какое мне сделали, голубчики!

— Нам это ничего не стоит, — смущённо сказал Юра.

Саша кивнул головой:

— Для нас это простое дело!

МИХАИЛ ЛАПЫГИН

КАПИТАН

Берёзы на ветру озябли.
Грачи заводят хоровод.
Мальчонка делает кораблик —
Его он в море поведёт.
Себя назначил капитаном,
Команду подобрал давно.
Неведомо, в какие страны
Ему пробиться суждено.
...Он новые пути проложит,
И не во сне, а наяву
Его фамилией, быть может,
Какой-то остров назовут.

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН

СКВОРЕЦ

Жил скворец на дубе старом
У Никитского бульвара.
Накануне зимних вьюг
Улетел скворец на юг.
А пока летал на юг —
Изменилось всё вокруг.
Рядом с дубом-великаном
Был заложен новый сад.
С цветниками и с фонтаном
И с площадкой для ребят.
В нём ребята посадили
Молодые деревца,
А на дубе смастерили
Новый домик для скворца.
Прилетит скворец в апреле —
Справит в доме новоселье.

СКВОРЕШНЯ

Петя сколотил из досок скворешню и весной выставил её на ветлу, под окном избы.

Каждое утро он теперь вставал рано и выбегал на улицу посмотреть: не прилетели ли скворцы, не заняли ли его домика?

— Чего ты, внучек, тревожишься? Птица эта в наши края по теплу прилетает, — говорил ему дед.

Наступило тепло. Скворцы появились, но Петин домика не заняли. В скворешне свили гнездо воробьи.

Петя очень расстроился. У всех ребят по селу в скворешнях певуны-скворцы, а у него серые воробьишки-воришки.

— Мало ли места за карнизами, забрались в мою скворешню... — жаловался он, чуть ли не плача.

Дед выслушал его и сказал:

— Покажи мне к разу твою скворешню.

По осени Петя снял с ветлы тесовый домик и принёс деду. Тот осмотрел его со всех сторон, засунул два пальца в леток и покачал головой:

— Не так, внучек, сделал. Дырка мала. Не пролезет в эту дырку скворец, а во-

робью в самый раз. Вот оно так и получилось.

Петя снова занялся скворешней. Взял долото и молоток. Проделал дырку куда больше и опять выставил на ветлу под окном.

Сколько было беспокойства, а скворешня всё лето пустовала. Не только скворцы, а и воробьи там не свили гнезда. Петя совсем загрустил, не знал, что и делать.

— Ну-ка, внучек, покажи мне ещё раз твой птичий домик, — сказал дед.

Петя принёс скворешню. Дедушка засунул в леток четыре пальца и опять покачал седой головой.

— Перестарался ты: дырку слишком велику проделал. В эту дырку галка пролезет и заклюёт птенцов. Вот они, скворцы, домик твой и не заняли.

— Всё дело в той самой дырке, что ли? — спросил Петя.

Пришлось ему ещё раз браться за скворешню, леток сделать ни мал и ни велик.

И как только он поставил тесовый домик на то же место, скворцы-певуны нынешней весной заняли его.

Рисунок на обложке А. Ермолаева. Рисунок „Владимир Ильич Ленин в трехлетнем возрасте“ Н. Цопова.

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. ЖАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ. Художественный редактор Н. Цопов. Рукописи не возвращаются. Техн. редактор З. Тышневич

Год издания двадцать седьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сушэвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06

Подписано к печати 8/III 1959 г. А00965.

Объем 3 печ. л.

2,8 уч.-изд. л. 33 000 экз. в печ. л.

Формат 60х92¹/₂

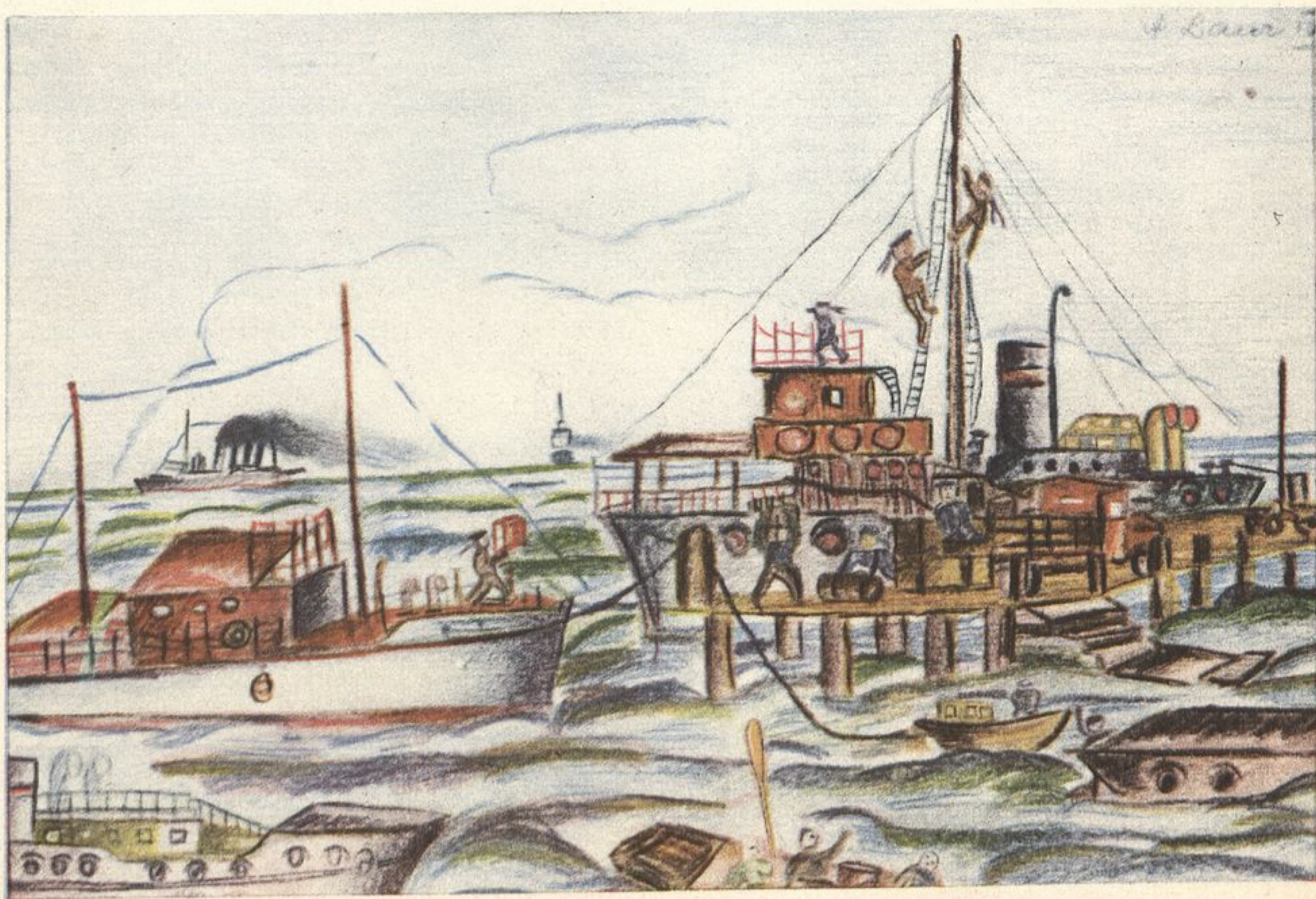
Тираж 124 500 экз.

Заказ 289

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сушэвская, 21.

Пионерский лагерь. Рисунок ПАРМАЛИСА ВАЙВЫ, 10 лет

Порт. Рисунок А. ЛАУРА, 11 лет